

Все круги общения пересекались, и шуток, которые можно было вынести на всеобщее обозрение, было не так уж много. Одной из них неизбежно становилась история о настоящем и поддельном молодом господине из семьи Гу.

Часто сравнивали Гу Цичи и Гу Юйнина: один — дикий феникс, упавший в золотое гнездо, другой — настоящий феникс, рождённый не в своё время. Первым, естественно, был Гу Цичи, а вторым — Гу Юйнин.

Все оценки Гу Цичи сводились к нескольким характеристикам: грубость, отсутствие воспитания, даже в уголках глаз и бровей читалась покорность, словно он был деревянным, что вызывало неприязнь.

Сун Чжиань раньше слышал подобное, но никогда не связывал того, кого описывали, с человеком перед ним.

Молодой человек перед ним был похож на алую саблю, висящую у него на поясе: лезвие было холодным, весь клинок алого цвета, чрезвычайно гибкий и тонкий, красивый и острый, с непонятной ноткой уныния, словно роза, тайно расцветающая в ночи, яркая и дерзкая.

Он ничем не походил на того, о ком говорили в их кругах... Как будто это были два разных человека.

Интерес Сун Чжианя только усиливался, и он, неожиданно для себя, не стал ругаться, а лишь махнул рукой, обращаясь к своему ассистенту:

— Иди, выясни, кто стоит за ним.

Едва он закончил фразу, как увидел, что Гу Цичи направляется к нему.

Гу Цичи всегда был спокоен, даже его прошлые испытания сделали его практически бесстрастным.

Только рядом с Бо Юем его эмоции медленно проявлялись, словно кошка, выпускающая когти, проверяя терпение и границы Бо Юя. И благодаря безграничной терпимости и снисходительности Бо Юя эти эмоции находили выход, и Гу Цичи становился всё более раскованным, более живым и настоящим, чем с другими.

Эта живость Гу Цичи была не для всех. Это было то, что Бо Юй взращивал с терпением, и это символизировало не что иное, как доверие Гу Цичи к нему.

Бо Юй имел это право, другие — нет. Это была привилегия, которую Гу Цичи даровал только ему.

Но с самого утра Сун Чжиань начал испытывать терпение Гу Цичи, а вечером участились дубли, и Гу Цичи знал, что это было намеренно.

Каждый раз, когда он хватал Сун Чжианя за шею, этот навязчивый взгляд невозможно было игнорировать.

Страстный, одержимый, с примесью злобных догадок и желаний, вызывающих отвращение.

Гу Цичи не мог сдержать гнева, его глаза сверкали, и даже веки покраснели от ярости.

Даже Линь Шуаньи, обычно беспечный, почувствовал что-то неладное и, прежде чем Гу Цичи

бросился вперёд, вовремя остановил его:

— Гу Цичи, подойди сюда. Давай обсудим, что не так в последнем дубле.

Гу Цичи отвлёкся, с трудом сдерживая гнев, и слушал Линь Шуанъи.

Линь Шуанъи:

— Я согласен с твоим подходом к исполнению, но проблема не только в Сун Чжиане, у тебя тоже есть проблемы с эмоциями.

Гу Цичи не понял, нахмутив брови. Он слишком сильно вытер лицо полотенцем, и весь грим сошёл, обнажив его настоящее лицо. Черты лица были резкими, но с ноткой изящества, глаза чистыми, как глубокая озерная гладь, светящаяся отражением, чистой и глубокой, совсем не такой вызывающей, как у Шэнь Цинъе.

Гу Цичи:

— Почему? Разве Шэнь Цинъе не должен испытывать ненависть к Ши Тяньлиню?

Линь Шуанъи усмехнулся. Гу Цичи был талантлив в актёрском мастерстве, его эмоции были под контролем, и он быстро входил в роль. Редко случалось, чтобы он сам сбивался, и обычно его дубли проходили с первого раза. Это было хорошо, но также имело свои недостатки.

Его индивидуальность была слишком яркой, как в эмоциях, так и в актёрской игре, с уникальным стилем Гу Цичи.

Шэнь Цинъе был как пламя, горячее и яркое, что соответствовало стилю исполнения Гу Цичи. Его главным партнёром по сценам был учитель Вэнь Ши, игравший императора. У того был большой опыт и широкий диапазон ролей, он мог взаимодействовать с кем угодно, создавая удивительную химию, делая весь сериал более ярким.

Но с другими было трудно достичь резонанса с Гу Цичи. Его личная харизма была слишком сильной, и такие актёры, как Сун Чжиань, просто не дотягивали до его уровня. Возможны были два варианта: либо сразу выпасть из роли, либо продолжать играть, стиснув зубы.

Потому что Гу Цичи не направлял, точнее, ему было лень направлять, он совершенно не заботился об эмоциях Сун Чжианя или других партнёров.

Это пламя было слишком горячим.

Линь Шуанъи, нечасто проявлявший терпение, взял в руки сценарий и указал на изображение на мониторе:

— В этот момент эмоции Шэнь Цинъе к Ши Тяньлиню не ограничиваются ненавистью. Есть ещё чувство удовлетворения от мести, но поскольку Ши Тяньлинь упомянул его отца, Шэнь Цинъе неизбежно почувствует боль.

— Более того, Ши Тяньлинь задел больное место Шэнь Цинъе. Подумай, вся семья Шэнь была предана своему долгу, и в детстве Шэнь Цинъе мечтал стать генералом, а теперь он заперт в этом дворце, занимаясь грязными делами, чтобы подставить других. На самом деле он самый страдающий.

Гу Цичи по-прежнему хмурился. Ло Цяньцян рядом с ним тоже задумчиво смотрела на экран

с повтором сцены.

Через некоторое время Гу Цичи понял, но всё равно был недоволен. Он вытащил сценарий из рук Линь Шуанъи, пальцы скользнули по строке «Шэнь Цинъе схватил Ши Тяньлиня за шею и резко сказал», и он заговорил:

— Режиссёр, я хочу изменить эту сцену. Между Шэнь Цинъе и Ши Тяньлинем слишком много барьеров, он не захочет прикоснуться к телу Ши Тяньлиня, потому что это вызывает отвращение...

— Поэтому каждое прикосновение будет только усиливать чувство грязи.

Линь Шуанъи промолчал, размышляя над словами Гу Цичи.

Он был умным человеком и, естественно, мог заметить, что Гу Цичи и Сун Чжиань не ладят, и понять, что последняя фраза Гу Цичи была намёком.

Шэнь Цинъе испытывал отвращение к Ши Тяньлиню, а Гу Цичи — к Сун Чжианю.

Конкретная причина была неизвестна, но это вызывало головную боль.

Линь Шуанъи потер виски, взглянул в сторону Сун Чжианя и отвел взгляд:

— Ладно, давайте сначала сыграем эту сцену, я посмотрю, как это будет выглядеть.

Гу Цичи согласился.

Съёмки возобновились. Гримёр поправил макияж Гу Цичи, очень лёгкий, но всё равно поразительно красивый.

Дождь снова пошёл, заливая парик и одежду.

У подножия величественной городской стены, услышав насмешку Ши Тяньлиня, зрачки Шэнь Цинъе резко сузились, сначала от боли, затем от огромной печали, которую он с трудом подавил.

На глазах постепенно проступило презрение, отчётливое и ясное, с глубокой ненавистью.

На этот раз Гу Цичи не стал касаться Сун Чжианя, а использовал ногу.

Его сапоги были тщательно продуманы костюмером: чёрные высокие сапоги с золотой вышивкой в виде облаков, среди которых извивался округлый пиксиу, символизирующий счастье и благополучие.

Он ударил Сун Чжианя в грудь, тот не успел среагировать и откинулся назад, в глазах читались шок и недоумение.

На площадке было так много людей, и Гу Цичи никогда не был конфликтным человеком, но на этот раз он нарушил правило, с яростью наступив на грудь Сун Чжианя, словно вымещая гнев.

Лицо Линь Шуанъи было скрыто за монитором, он внимательно наблюдал за действиями Гу Цичи.

Ло Цяньцянь нервничала, но нельзя было винить Гу Цичи за то, что он так открыто бросил

вызов Сун Чжианю.

Просто Сун Чжиань был слишком отвратителен. За последние несколько недель съёмки он постоянно пытался приблизиться к Гу Цичи, пытаясь прикоснуться к нему. Другие этого не замечали, но Ло Цяньцянь была ассистенткой Гу Цичи и всегда помнила наставления Вэнь Си, не спуская с него глаз.

С таким вниманием она легко могла заметить жадность в глазах Сун Чжианя, грязное желание, которое с каждым днём становилось всё более явным.

Ногти Ло Цяньцянь впились в ладони, и она невольно вспомнила причину своего ухода с предыдущей работы.

Её бывший подопечный, айдол, покинул группу. Другие фанаты не знали, но Ло Цяньцянь, как его личный ассистент, знала всю подноготную.

Сун Чжиань выглядел чистым только снаружи, но под этой оболочкой скрывалось грязное сердце.

<http://bllate.org/book/17675/1647607>